

Петр ШОРНИКОВ

РУССКОЕ СООБЩЕСТВО БЕССАРАБИИ И РУМЫНСКОЕ ГОСУДАРСТВО. 1918-1940 гг.

В момент революционной смуты в России, в январе 1918 г., российская губерния Бессарабия была оккупирована войсками Румынии, ее недавней союзницы. В дальнейшем Бухаресту удалось добиться от правительств Франции и Великобритании согласия на аннексию провинции. Москва, не признавая этого захвата, боролась за воссоединение Бессарабии дипломатическими методами¹. Но в области развернулось освободительное движение, характерной особенностью которого стало взаимодействие идеологически противоположных формирований, объединенных неприятием румынской оккупации². Изучение процессов этого периода имеет свою историю.

В 50-80-е гг. на материалах о борьбе коммунистического подполья историками предпринята попытка раскрыть масштабы участия различных национальных сообществ в этой борьбе. В частности, установлено, что в отличие от собственно Румынии, где в коммунистических организациях преобладали евреи и венгры, в Бессарабской организации молдаване составляли 40 %, русские и украинцы – 35 %, а евреи – 25 % участников³. В 90-е гг. предпринята неудачная попытка доказать, что против румынской власти вообще боролись только евреи и русские, а не молдаване⁴. Материалы, позволяющие судить об участии русских (великороссов) в легальной политической борьбе, находим в монографиях С.К. Брысякина⁵ и А.Ю. Скворцовой⁶. Оставляя за собой право специально исследовать вопрос об участии в освободительном движении каждого из национальных сообществ, попытаемся ответить на следующие вопросы: действительно ли русское сообщество Бессарабии включало только русских в современном понимании этнонима? Какова была социальная и национально-культурная роль легальных общественных формирований, созданных в этот период? Каковы были основные этнополитические результаты их деятельности? Актуальна также задача персонификации истории Бессарабии.

Революция расколола русских людей не только политически, на красных и белых, но и этнически. На малорусов и русинов румынские

власти – как и петлюровцы, и большевики – распространили новый тогда этноним – украинцы. Как национальное сообщество русские (великороссы) в составе «Сфатул цэрий» представлены не были. В качестве представителей различных общественных организаций в состав этого органа были включены всего 8 великороссов. Они составили 4 % его состава. Украинцам такое представительство обеспечено было, и в состав «Сфатул цэрий» были включены 22 украинца, 9 % членов этого органа. Запугивая их, 18(30) января 1918 г. одного из украинцев, входивших в состав «Сфатул цэрий», Петра Чумаченко, интервенты расстреляли в числе 45 чел., избранных в президиум съезда крестьян Бессарабии. Однако расчет на их устрашение и раскол велико- и малороссов не оправдался.

В роковой момент бессарабской истории, 27 марта 1918 г., малороссы (в т. ч. и русины) и великороссы действовали солидарно. Большинство их – русские А. Грекулов, В. Лунев и В. Немацкий и 15 малороссов - Г. Бринич, Н. Будниченко, В. Вакуленко, Е. Кириченко, Л. Матвейчук, Олейник, И. Нагорняк, К. Савчук, М. Тихоход, Н. Чекан, В. Коваль, А. Крупенский, В. Курдиновский, К. Савчук, Т. Станевич – от участия в заседании «Сфатул цэрий» уклонились. Представитель профсоюзов русский Иван Криворуков выступил, указав на то обстоятельство, что «Сфатул цэрий» не полномочен решать вопрос об объединении Бессарабии с Румынией, а затем скрылся. П. Маницкий, Г. Пономарев и В. Цыганко, протестуя против «объединения», при голосовании воздержались. Двое из шести явившихся на заседание малороссов – А. Осмоловский и Т. Старенький - мужественно сказали «объединению» «Нет!». Трое – Т. Никитюк, П. Полятенчук и М. Савенко – при голосовании воздержались. За «объединение» проголосовали только один великоросс и один малоросс, вероятно, именно для этого включенные в состав «Сфатул цэрий»⁷.

Согласно румынской переписи 1930 г., русские (великороссы) составляли всего 12,3 % населения Бессарабии. Но в систему русского языка и культуры были вовлечены все горожане, вся образованная часть населения, независимо от национальной принадлежности, все русское ассоциировалось с российским, поэтому именно русских Бухарест считал ядром антирумынской оппозиции⁸. Задачи румынской национальной политики с откровенностью шовиниста, обладающего властью, раскрыл бывший резидент королевского правительства в Бессарабии историк Онисифор Гибу: «Исходя из констатации, что русский элемент численно и размещением не представляет в этой провинции ничего, что на языке международной политики составляет «национальное меньшинство», я заключил, что русское влияние должно быть ликвидировано часом ранее, придав городам этой провинции румынский культурный и экономический характер»⁹.

Борьбу с «русизмом» Бухарест начал с румынизации администрации. Первым инструментом этнической чистки стал перевод делопроизводства на румынский язык. В результате этой меры были уволены 117 судей и 199 служащих Бессарабского губернского суда, 137 адвокатов, а также нотариусы. На румын был полностью заменен персонал почтового ведомства и таможен, на 80 % – персонал полиции. Сотни служащих потеряли работу вследствие ликвидации земских учреждений. Их, объяснил румынский функционер, уволили потому, что «невозможно создать румынскую Бессарабию с русскими чиновниками». Своей собственности были лишены помещики, отказавшиеся принести присягу румынскому королю. Служащие бедствовали, брались за самую тяжелую, неквалифицированную и плохо оплачиваемую работу. Подвергаясь дискриминации на рынке труда, русские, как, впрочем, и бессарабцы других национальностей, не могли претендовать на общественно значимые посты и представительство в административных органах. К 1930 г. 74,3 % русских Бессарабии оказались занятыми в сельском хозяйстве (против 41,4% в 1897 гг.), и только 3,5 % русских занимались государственной и частной службой. Десятки тысяч русских так и не получили румынского гражданства и, тем самым, возможности участвовать в политической жизни. Русской общине не было разрешено создавать благотворительные организации¹⁰.

Но сообщество, объединенное знанием русского языка, далеко превосходило численность великороссов. Кроме 351 912 русских, в Бессарабии проживали 314 211 украинцев¹¹. Воспоминания о том, что всего несколько лет назад они именовались малорусами и русинами, были свежи, они по-прежнему называли себя «русские люди», а русский язык считали литературной версией «ридной мовы»¹². Русским языком владели также более 30 % молдаван: интеллигенция, рабочие и другие горожане, крестьяне, служившие в русской армии. В румынизации Бессарабии, в том числе путем запрета использования русского языка, они участвовать не желали. Русский язык знали и охотно говорили на нем немалая часть болгар, гагаузов, немцев, большинство евреев Бессарабии. Таким образом, оценка численности русскоязычного сообщества Бессарабии в 1 млн. чел., данная в 1930 г. руководителем Объединения русского меньшинства Георгием Цамутали, вполне обоснованна.

В начале 20-х гг. в Румынию прибыли 45 тыс. беженцев из России. Эти люди, пережившие революцию и гражданскую войну, большей частью образованные, могли сыграть значительную роль в защите интересов русского населения Бессарабии. Но политика Бухареста была нацелена на вытеснение русских и других меньшинств из страны, экономическое положение было тяжелым, и большинство эмигрантов

перебрались в другие страны. В 1924 г. число эмигрантов-русских и украинцев составляло 15 тыс. чел., а в 1936 г. российская эмигрантская община в Румынии насчитывала всего 11 тыс. чел.¹³ Многие эмигранты проживали в Бессарабии. Они, конечно, разговаривали по-русски, некоторые давали частные уроки русского языка, участвовали в культурных мероприятиях русских организаций, но, занятые повседневной борьбой за существование, мало связанные с бессарабцами, приверженными России, независимо от установленного в ней «режима», в общественной жизни почти не участвовали.

Один из главных источников «русского влияния» румынские власти усмотрели в системе земств, выборных органов местного самоуправления. Бессарабские земства выступили против проекта закона об административной реформе и разработали контрпроект, предлагая, чтобы органы местного самоуправления формировались на основе всеобщего голосования, чтобы они были независимы от государства, располагали собственным бюджетом, собственностью и служащими. По существу они предлагали сохранить систему земств, унаследованную от Российской империи, и распространить ее на Румынию. Мнение, что децентрализованное местное управление эффективнее централизованного, нашло отклик в Румынии. Но румынские чиновники, присланные в Бессарабию, полагали, что земства, обладающие автономией, будут препятствовать проведению румынизации¹⁴. Адептом румынизации руководство Бессарабского земства, избранное в августе 1918 г., охарактеризовано так: «Председателем является г-н Яновский – боярин, [...] человек, мечтающий о России от Ледовитого океана до Адриатики и Мраморного моря; так же Качулков – русский или, по меньшей мере, ставший Качулковым из Кэчулэ. Остальные двое – Оганов, армянин, о котором мы поговорим по другому случаю, и Челибидаки – человек без всякого лица. Среди них находим единственное молдавское имя – г-н Т. Суручану, еще один боярин». Этим деятелям автор публикации приписывал намерение «возмутить народ против новой власти»¹⁵. Еще в 1920-1921 гг. земства оказывали финансовую помощь школам, функционирующим на языках национальных меньшинств. Ликвидация земств пагубно сказалась на состоянии сельского хозяйства, здравоохранения, образования Бессарабии; современники расценивали эту «реформу» как одну из самых крупных ошибок румынской администрации. А здравая идея децентрализации управления оставалась в Румынии в политическом обороте не только в 20-30-е гг., но и в период диктатуры И. Антонеску.

В «русизме» румынские власти подозревали и бессарабскую знать. Генеральный комиссар Бессарабии генерал Артур Вэйтояну решил закрыть также дворянское Благородное собрание, но отказался от своего

намерения, когда был принят в его состав в качестве почетного члена. В руководство Собрания входили знаменитый врач Фома Федосьевич Чорба и меценат барон Гейкинг, а членами являлись бывшие губернаторы Бессарабии А.Н. Харузин и Р.С. фон Раабен, представители исторических молдавских родов Доничей, Руссо, Суручану, Лазо, Леонардов, Кассо, Черкезов, Катакази, Катаржи, Кавалиоти, Кантакузинов, Семигравовых, Синадино и других. Бессарабские дворяне продолжали собираться в помещении Благородного собрания, общаясь, естественно, на русском языке. Осенью 1919 г. в павильоне Собрания все еще висел герб Российской империи, по мнению сигуранцы, «не только ради красоты»; тем самым дворяне демонстрировали надежду на возрождение Российской империи. 11 октября министр-делегат Бессарабии Д. Чугуриану, ссылаясь на то обстоятельство, что его члены «одержимы антирумынскими чувствами и явно выступают против страны и государственных учреждений», распорядился закрыть Благородное собрание. Но уже 6 января 1920 г. новый министр-делегат, Пан. Халиппа, разрешил открыть его вновь¹⁶. Впоследствии Собрание все-таки закрыли.

Его бывшие члены оставались под негласным надзором. В декабре 1925 г. шеф кишиневской полиции доложил, что «вся лучшая часть русского общества выехала из Кишинева в 1918-1919 годах. Да и вообще русских аристократов в Кишиневе было мало. Есть в Кишиневе аристократы-бессарабцы, главным образом местные уроженцы-молдаване, греки и др., как, например: семьи Крупенских, родственники Кассо, Леонарды, Мими, Катаржи и другие весьма известные в городе лица»¹⁷. Список российских аристократов, составленный политической полицией в том же году, также включал около 30 крупных собственников, главным образом, молдаван. В их числе были бывший член Государственного Совета Дм. Семигравов, бывший депутат Государственной думы П. Синадино, князя Кантакузино и Святополк-Мирский, бывший член Дипломатического корпуса Катаржи и др. «Относительно идей, которые питают эти государственные деятели России, — полагал шеф сигуранцы, — нельзя уточнить ничего, но можно очень легко заключить, учитывая, что аграрная реформа, проведенная в Бессарабии, была для них очень несправедливой»¹⁸. Эти люди продолжали общаться на русском языке, некоторые из них оказались причастны к автономистскому движению, но на роль вождя оппозиции никто из них не претендовал.

Начало одному из новых общественных объединений было положено 11 февраля 1918 г. в помещении женского двухклассного училища на Гоголевской улице. Там состоялось общее собрание русских учителей, созданное с целью организации комиссии при Министер-

стве народного образования Молдавской Республики и выборов постоянного секретаря по делам русской школы¹⁹. «Клуб чиновников», существовавший в 1901-1906 гг., возобновил свою деятельность в декабре 1921 г. как «Кишиневское общественное собрание». Возглавляли его юрист Константин Тодоровский, председатель Кишиневского уездного земства Федор Няга и служащий Трибунала Николай Епурь. Под названием «Клуб чиновников» действовал кружок, руководимый полковником русской армии Горским. «Наше объединение, – разъяснил полиции вице-председатель кружка, – родилось из обычая наших мест: общественный класс, мажоритарная или миноритарная национальность, группа людей, связанных интересами или дружбой, собирались вместе и образовывали кружок или клуб»²⁰.

Необъявленной, но главной функцией этих объединений являлось общение на русском языке. В 20-е гг. в Кишиневе существовал «Промышленный и коммерческий кружок». Фактическим его руководителем был русский офицер, бывший помещик Константин Богосов. В 1919-1920 гг. он участвовал в гражданской войне. Возвратившись в Бессарабию, зарабатывал игрой в карты. По данным полиции, «питал антирумынские чувства»²¹. С 1921 г. в Кишиневе существовала «Генеральная ассоциация служащих», созданная с целью снабжения функционеров примарии продуктами путем прямых закупок у крестьян. В ней состояли молдаване и русские, а неформальным лидером был бессарабский автономист Александру Мыцу. «Что достойно быть отмеченным, – донес агент сигуранцы, проникший на заседание Ассоциации 5 апреля 1925 г., – это то, что все дискуссии этих **румынских функционеров** (подчеркнуто в документе – П.Ш.) проходили только на русском языке, на румынском не было произнесено ни слова...»²².

Одним из центров неформального общения стал клуб «Реуниря» («Воссоединение»), руководимый бывшим адвокатом, высшим служащим кишиневской примарии Виктором Глобой. В руководящий комитет входили отставные полковники русской армии Михаил Попа и Василий Черкез. Члены клуба собрали библиотеку русских книг и газет, проводили конференции, вечера, балы, концерты. Официально клуб объединял 160 человек, но в действительности их было больше. «Кроме членов, – отметил в марте 1931 г. квестор полиции Кишинева, – клуб ежевечерне посещают многочисленные лица с хорошей репутацией, особенно русские. Играют в карты. Иногда – в азартные. Этот кружок – продолжение русского кружка «Чиновников», и в нем еще царит русская атмосфера»²³.

Сходная атмосфера царила в «Семейном кружке», в котором официально состояли 80 чел., большей частью евреи. Руководили им врач Зайдман и Осип Бабич, крупный коммерсант. «Кружок» также распо-

лагал библиотекой русских и еврейских книг²⁴. «Члены этих клубов, – как компрометирующее их обстоятельство подчеркнул полицейский чиновник, – общаются только на русском языке и читают газеты, журналы и книги только на этом языке. Привратники и обслуживающий персонал не знают ни слова по-румынски». Оба эти кружка шеф полиции предложил «распустить»²⁵. «Семейный кружок» просуществовал до 1938 г., но легализация многих других подобных объединений допущена не была.

В их числе – общество «Приетения» («Дружба»). Его попытался зарегистрировать в конце 1921 г. бывший полковник русской армии Семен Гур, уроженец села Дурлешты. В 1917 г., будучи офицером Молдавского полка, выяснила сигуранца, он распространял среди солдат «антирумынские» книги. В 1919 г. вступил в армию А.И. Деникина и принял участие в гражданской войне. В феврале 1920 г. возвратился на родину. Семен Гур, заключила полиция, нелоялен румынской власти; общество не было зарегистрировано, но продолжало действовать. В 1923 г. его попытались узаконить помещик села Красноокнянское Оргеевского уезда Николай Руссо и полковник Константин Власов. Вопрос решался до апреля 1924 г., и также безрезультатно²⁶. В 1929 г. в Аккермане было отказано в регистрации «Обществу русской культуры»²⁷. Разумеется, эти и другие объединения продолжали работать без регистрации, полулегально.

Крупнейшую полулегальную политическую организацию сформировал бывший генерал русской армии Евгений Леонтович. В марте 1917 г. он, еще в звании подполковника, возглавлял контрразведку штаба IX Русской армии Румынского фронта²⁸. В середине 20-х гг. Е. Леонтович, уже представитель парижской газеты «Возрождение» в Кишиневе, сплотил более 20 групп, объединявших бывших офицеров, молодежь, предпринимателей, работников трамвайного парка, банковских служащих и т. п. Организация, названная «Союз русских монархистов», располагала отделениями во всех уездах Бессарабии и включала, по сведениям румынской контрразведки, свыше 10 000 чел., в том числе деятелей, вряд ли веривших в возможность восстановления монархии в России: старообрядческого епископа Иннокентия, главу греческой общины П.В. Синадино, членов фамилий Крупенских, Кристи и других. Молодежную группу возглавлял Василий Лейдениус. Имелись у «Союза» и представители в Бухаресте – полковники Строев, Шеин и Цапиш. Двое последних служили при королевском дворе. Е. Леонтович ориентировался на великого князя Николая Николаевича и обеспечивал распространение в Бессарабии пропагандистских материалов, поступающих из его штаб-квартиры в Париже.

Секретный характер носили связи Е. Леонтовича с военной организацией русской эмиграции – «Российским общевоинским союзом». На протяжении ряда лет Леонтович состоял в переписке с руководителем РОВС генералом Е. Миллером. Однако практическая работа организации выглядела бледно. «Деятельность генерала Леонтовича, – отмечено в обзоре румынской контрразведки от 29 марта 1929 г., – ограничивается директивами из Парижа и выражается в сборе денег для монархических фондов, интенсивной организации монархических групп по общественным классам, связи этих групп с центром, распространению инструктивных монархических газет и брошюр. Распространяет ежедневно до 500 экз. газеты "Возрождение"»²⁹. «Русские монархисты, – отмечено в обзоре далее, – собираются в 12 – 13.30 в помещении городского банка, беседуют и читают газеты. От 4 до 6 появляется ген. Леонтович»³⁰.

Деятели «Союза» участвовали в движении в защиту богослужения по старому стилю, организовав, в частности, негласную доставку из-за рубежа богослужебной литературы. О влиянии организации свидетельствует панихида по великому князю Николаю Николаевичу, проведенная 22 июля 1929 г. в Чуфлинской церкви Кишинева. Было очень много народа, примерно 6 000 чел., в том числе бывшие офицеры-бессарабцы, русская аристократия, служащие трамвайного депо³¹. Контролировать многолюдную организацию Е. Леонтовича властям было трудно, но ее терпели, потому что генерал располагал агентами, которых забрасывал в СССР и которые доставляли ему сведения.

Более конспиративным формированием был «Крестьянский Союз», руководимый Акатовым, представителем парижской газеты «Последние новости» в Бессарабии. «Господин Акатов, – докладывала контрразведка 3-го Армейского корпуса, – работает под прямым надзором господина Генерального инспектора Хусареску, используя информаторов сигуранцы. [...] Генеральный штаб следит за обеими организациями непосредственно, не препятствуя их деятельности»³². 1 ноября 1936 г. Е. Леонтович выехал в США, и деятельность русских монархистов сошла на нет. По мнению сигуранцы, это произошло потому, что они остались «не организованы в движение политического характера»³³, т. е. преследующие реальные общественно значимые цели.

Восстановление в России сильной власти, курс большевиков на индустриализацию страны, отрицание ими «буржуазной» демократии импонировали не только левым, но и правым кругам бывших российских граждан. В.Н. Лейдениус, попытавшийся придать «Союзу русской молодежи» монархический, т. е. резко антисоветский, характер, был из организации исключен. В 30-е гг. этот «Союз» руководимый

Виктором Топаловым, вел культурно-просветительную работу³⁴. Однако в русском сообществе нарастала потребность в субъектности. Нужна была организация, достойная выступать от имени русских, формулировать их требования и предъявлять властям. Попытку создать русскую организацию предпринял бывший офицер российского флота Г.М. Цамутали, в «Союзе русских монархистов» возглавлявший группу «лесоводов»³⁵. В январе 1930 г. он вместе с активистами движения в защиту богослужения по старому стилю Павлом Митрофановым, Михаилом Чертковым, адвокатом Василием Матвиевичем (Матеевичем) и другими учредил «Объединение русского меньшинства в Румынии». «Программа этого меньшинства, – доложил комиссар сигуранцы, – заключается в создании русских школ и воспитании детей в русском духе и старой вере, по каковой причине это общество пользуется добрым отношением как крестьян, так и горожан»³⁶. «Объединение» приняло участие в защите богослужения по юлианскому календарю. Ранее, в октябре 1929 г., в Измаиле был создан комитет по организации «Лиги русского меньшинства на юге Бессарабии»³⁷, а в Кишиневе – Союз безработных интеллигентов³⁸.

На коммунальных выборах 1930 г. была предпринята попытка сформировать единый список «Лиги бессарабских граждан», «Комитета русского меньшинства» и некоторых еврейских организаций. Но объединение, видимо, вследствие вмешательства сигуранцы, не состоялось. Через год попытка зарегистрировать единый список была сорвана полицией³⁹. Эти неудачи побудили русскую общественность создать Комиссию по организации русского меньшинства в Румынии во главе с известным общественным деятелем доктором А.Д. Коцовским. В Комиссию входили лидер движения в защиту богослужения по старому стилю о. Владимир Поляков, полковник Н. Сорока и другие. Однако А.Д. Коцовский отказался возглавить Временный комитет по организации Партии русского меньшинства, и его председателем был избран В.Н. Лейдениус⁴⁰. Некоторое время Лейдениус представлялся журналистам и чиновникам как председатель «Союза русского меньшинства в Бессарабии»⁴¹ и публично выступал в защиту его интересов, но создать «Русскую партию» ему не удалось.

В поисках опоры за рубежом Лейдениус установил связи с князем Аваловым и другими русскими эмигрантами в Германии⁴² и, вероятно, на деньги, получаемые от германского МИД⁴³, организовал в Кишиневе выпуск газеты «Воскресение». Газета обличала румынскую политику в Бессарабии. Вместе с тем в редакцию поступали директивы из Берлина, а авторы «Воскресения» и другой кишиневской газеты, «Бессарабский телеграф», восхваляли Гитлера и его режим. Лейдениус распространял в Бессарабии издаваемые в Софии газеты «Русь» и

«За Россию» – органы фашистских групп русской эмиграции⁴⁴. Однако в Бессарабии нацистская пропаганда отклика не нашла, создать на прогерманской основе какую-либо «русскую» организацию Лейденус также не смог. Газета «Воскресение» была запрещена за публикацию разоблачительных материалов о закрытии в Кишиневе русской церкви Святого Серафима и о преследовании русских священников – сторонников богослужения по старому стилю⁴⁵.

Единомышленников в Бессарабии искали и правые круги русской эмиграции. В сентябре 1937 г. лидер группы русских правых радикалов в Бухаресте Александр Ливен приехал в Софию и договорился с издателем русской газеты «Голос России» Иваном Солоневичем о распространении ее среди русских эмигрантов в Бессарабии. Представлять газету в области было предложено жившему в Кишиневе бывшему полковнику А. Яковлеву. Последний, ознакомившись с первым полученным номером, от этой миссии отказался, заявив: «Хотя газета русская монархическая, она печатается в советском стиле». Реальная причина была иной: Яковлев был причастен к советской разведывательной организации, раскрытой в Кишиневе в 1925 г., и находился под надзором. После отъезда Е. Леонтовича А. Яковлев остался в Бессарабии представителем газеты «Возрождение». Представителем «Голоса России» в Бессарабии стал сотрудник газеты «Бессарабское слово» Андрей Гырля. Газету – 30-40 экземпляров – он получал по почте и рассылал подписчикам⁴⁶. По другим каналам в Бессарабию поступали эмигрантские издания «Православная Русь» и «Галлиполийский вестник»⁴⁷. Эмигрантские газеты читали и поддерживали связи с русскими офицерами-монархистами в Болгарии и Париже группы молдаван-бывших офицеров русской армии. О каком-либо влиянии фашистских идей на политическое поведение русских Бессарабии говорить не приходится. Не нашла среди русских отклика и основанная на постулатах румынизма пропаганда кузистов⁴⁸.

Ирредентистские идеи продвигали в основном левые силы. В 1933 г. при участии примара Аккермана Александра Арнаутова группа студентов попыталась учредить движение с целью борьбы за объединение Бессарабии с Россией. Председателем объединения был избран Михаил Протопопов, а секретарем – Михаил Новиков, студенты Ясского университета. Объединение установило связи с Балканской Федерацией революционных студентов, в свою очередь связанных с Коммунистическим интернационалом молодежи и Коминтерном. Антикапиталистических лозунгов, дающих властям повод обвинить их в приверженности большевизму, студенты не выдвигали, но требовали покончить с практикой «*numerus clausus*» (процентная норма допуска в университеты для студентов различных национальностей),

обеспечения населения бесплатным образованием на родном языке, отмены в Бессарабии осадного положения, признания права народов Румынии на самоопределение вплоть до отделения. В общем, такие же требования выдвинули руководители созданного в 1935 г. «Блока защиты демократических свобод», руководимого Михаилом Брашewanом, студентом Андреем Лупаном и другими⁴⁹.

Жесткий контроль политической полиции над общественными организациями вынуждал многих деятелей русской культуры действовать самостоятельно. Выдающимся организатором русской прессы показал себя Марк Николаевич Бялковский. М.Н. Бялковский родился на станции Марандены близ Бельц, учился в Одессе. Характеристика, данная ему агентом сигуранцы, напоминает панегирик: «Известный журналист. Правый экстремист. Убежденный русский патриот и монархист. Редактировал газеты «Одесский листок» (тиражом 70 000), «Лукоморье» и примерно 10 других. Работал в официозе «Новое время». В 1917 г. выступил против крайне левых. В октябре его газета была разгромлена матросами и рабочими. При Деникине Бялковский получает ответственный пост заместителя начальника Бюро информации и пропаганды. При отступлении деникинских войск схвачен в Одессе. Освобожден ЧК, не узнавшей, кто в ее руках. Бялковский перешел Днестр с помощью контрабандиста у Каменки. В Бессарабии установил связь с генералом Леонтовичем и руководителями русского национального движения. Выпускал газеты «Наша мысль» (с Б. Быркэ), «Бессарабские новости» (с Пеливаном), «Молва» (с Л. Бога) и «Утро» (с П. Ерханом). В настоящее время – первый редактор «Утра». Он человек твердого характера, замкнутый. Имеет связи с той стороной Днестра (монархические круги) и с кругами эмиграции за рубежом»⁵⁰.

В действительности М.Н. Бялковский поддерживал связи с редактором парижской газеты «Общее дело», известным разоблачителем провокаторов охраны Вл. Бурцевым. В апреле 1929 г. Бурцев посетил Кишинев, выступал на политические темы. Он пообещал Бялковскому свое содействие в создании русской газеты. Вместе с бывшим полковником русской армии Алексеем Шостаковским М.Н. Бялковский сплотил группу сотрудников, решившую выпускать на русском языке газету «День». «Бялковский, – отметила сигуранца, – пользуется в обществе хорошей репутацией, является абсолютно честным человеком, серьезным и известным в кругах писателей и публицистов»⁵¹.

Весомый вклад в защиту позиций русского языка в Бессарабии внес Всеволод Яковлевич Демченко, до революции – миллионер, градоначальник Киева, деятель партии «Всероссийский национальный союз», депутат IV Государственной Думы⁵². В Бессарабию он бежал,

преодолев Днестр вплавь. По данным сигуранцы, Всеволод Демченко – «русский, бывший примар Киева, бежал [из СССР в Румынию] в 1923 году. В 1926 г. добился в Галаце финансового успеха, занимаясь торговлей. Основал в Бухаресте «Банк общего кредита». Здесь начинает совсем любопытную деятельность. Под видом банка там начинают собираться только русские и другие подозрительные лица. Связан с Александровским, редактором «Последних новостей», и другими лицами, питающими антирумынские чувства». [...] «В настоящее время, – отмечено в полицейской справке 1929 г., – [В.Я. Демченко –] Генеральный директор «Бухарестского банка общего кредита», связан с русскими журналистами в Париже и Берлине, ведущими кампанию против Румынии»⁵³. В.Я. Демченко инициировал и финансировал издание в Бухаресте на русском языке газеты «Наша речь», журнала «Иллюстрированная речь», а в Кишиневе – газеты «Утро». Общественная деятельность В.Я. Демченко и М.Н. Бялковского заслуживает дальнейшего изучения.

Политические распри времен гражданской войны теряли смысл. В 20-е гг. разрушению информационной блокады вокруг событий в Бессарабии способствовал бывший королевский комиссар при штабе Деникина Д.А. Ростовский-Брюханов. По сведениям сигуранцы, в Румынии он являлся «главой движения монархической русской патриотической молодежи, корреспондентом английской газеты «Дейли мейл», где пишет ругательные статьи против Румынии»⁵⁴. Согласно другой сводке тайной полиции (январь 1929 г.), «Дмитрий Андреевич Ростовский-Брюханов – русский патриот, сторонник преобразования Российской империи»⁵⁵. Главным редактором газеты «Наша речь» был Юрий Александрович, одним из ведущих сотрудников – Гурлянд, якобы бывший сотрудник царской охранки, а секретарем редакции – Петр Алексеевич, «фанатичный русский», в прошлом активный эсер⁵⁶.

Опасаясь любой организованной деятельности русских, политическая полиция следила и за М. Бялковским. «Марк Бялковский, редактор газеты «Молва» (2000 экз.), вместе с доверенным лицом парижской организации «Младороссы» Еленой Лужанской, – доложила в апреле 1937 г. сигуранца, – начали собирать в редакции сторонников русской монархической организации. Центр организации «Младороссы» находится в Париже, ее идеология – консервация границ старой Российской империи, организация борьбы против интервенции иностранных государств». Монархизм в Румынском королевстве гонениям не подлежал; очевидно, поэтому автор доклада поспешил подверстать деятельность «младороссов» под обвинения в «большевизме», заключив: «в действительности организация работает в пользу Коминтерна»⁵⁷.

Несмотря на политику вытеснения и запрета, проводимую Бухарестом, в Бессарабии русский язык оставался языком публичным, языком массовой информации и политики. Но прекращение обучения на нем снижало уровень грамотности нового поколения. В мае 1930 г. коммунистическая организация Кишинева выпустила листовку на русском языке, написанную человеком, владеющим устной русской речью, но изобилующую грамматическими ошибками⁵⁸. Стилистически не вполне корректен русский текст листовки «Инициативной группы Профессионального Синдиката частных торгово-промышленных служащих гор. Кишинева, входящего в Федерацию Профессиональных синдикатов Румынии» с призывом прийти на собрание 20 мая 1935 г.⁵⁹ Все менее грамотными становились в 30-е гг. материалы русских газет.

Отношение украинцев Бессарабии к Румынскому государству было аналогично отношению великороссов. «Среди сельского населения, – отмечено в Информационном бюллетене сигуранцы за 10 марта – 10 апреля 1930 г., – ходят слухи, что русские займут Бессарабию. Бедные радуются, богатые боятся.

А) Русско-украинское население:

Общее состояние духа – взволнованное и сомнительное. Повсюду говорится о близкой революции. Для населения власти не имеют никакой ценности; оно считает себя свободным делать что хочет, не встречая противодействия властей. Все верят, что пришла «Свобода» (в документе напечатано по-русски: *Svoboda* – П.Ш.). Отношение этого населения к жандармам враждебное. Авторитет последних, можно сказать, не существует. Ни жандармы, ни другие власти не могут принять никакой меры и в то же время подвергаются унижениям перед лицом населения и не могут работать»⁶⁰. Вскоре политическая «оттепель» в Румынии закончилась, и жандармы получили возможность «работать» по-прежнему – дубинками.

В 30-е гг. центр украинского национального движения в Румынии находился в Черновцах, там выходила газета «Час», внешне лояльная королю и режиму. Но ведущие деятели украинского ирредентизма проживали в Бессарабии. По сведениям сигуранцы, в 1938 г. его лидерами являлись функционер села Валя Черновицкого уезда Михаил Чупрун, судья из местечка Секуряны Иван Новосивский, житель села Шабо Аккерманского уезда бывший депутат Илья Гаврилюк и аккерманский инженер Василий Гетманченко⁶¹. Публичных мероприятий эти активисты проводить не пытались, но сигуранце было известно, что они ориентируются не на Румынию, а на Германию.

Безусловную ориентацию на Россию сохраняли гагаузы. Они участвовали в боях против румынских интервентов в начале 1918 г. В

20-х гг. в Комрате, Чадыр-Лунге, Кирсово, где гагаузы составляли большинство населения, действовала сеть коммунистического подполья. В 20-е-30-е гг. гагаузы участвовали в развернутом болгарскими «движении 38 сел» за возврат им общинной собственности, отобранной румынскими властями, и поддерживали созданный коммунистами Рабоче-крестьянский блок⁶². Однако попыток открытой защиты родного языка гагаузская интеллигенция не предприняла.

Национальное сознание гагаузов, полагали румынские функционеры, находится на пути к исчезновению. «Из наблюдений над миноритарным гагаузским населением и из контактов с ними, – доносил агент сигуранцы в марте 1940 г., – остается констатировать, что это меньшинство не имеет собственного национального сознания и согласно с его отождествлением с болгарскими. Так, в коммуне Дмитровка (Аккерманский уезд), населенной исключительно гагаузами, на вопрос о том, как идут дела и получают ли они кредиты от Национального института кооперации, ответ гласил, что потому, что они болгары, они не могут получить такой кредит. [...] отметив их братство по крови и языку с турками, я не заметил какого-либо энтузиазма с их стороны»⁶³. В апреле 1940 г. квестор Аккерманского уезда подтвердил «исчезновение какого-либо национального сознания» у гагаузов и высказал уверенность в том, что «со временем гагаузы будут поглощены болгарской массой»⁶⁴. Воссоединение Бессарабии с Россией позволило гагаузскому этносу сохраниться.

Русский язык оставался языком общения и в армянском сообществе Бессарабии. Приглашения прихожанам армянских церквей Кишинева настоятель одной из них священник Матикянц печатал только на русском языке⁶⁵. Альтернативой была румынизация. Преподавание в немногих «украинских» и «польских» школах, созданных на севере Бессарабии, уже в начале 20-х гг. велось на румынском⁶⁶.

Несмотря на поддержку других национальных сообществ, русским Бессарабии не удалось сохранить школьное обучение на русском языке. В результате политики румынизации в 1938 г. в Бессарабии действовали всего 97 начальных и средних частных школ, и среди них были только две русских и одна украинская⁶⁷. После переворота 1938 г. были закрыты и они. Но вытеснить русский язык из общественной жизни Бухаресту не удалось. В отличие от языков других национальных меньшинств, он остался языком публичным и продолжал функционировать во всех сферах, кроме государственных учреждений. Впрочем, и здесь допускались исключения. Даже приказ командующего 3-м Армейским корпусом генерала Канчулеску от 12 января 1934 г. о введении в Кишиневе осадного положения был напечатан на двух языках – румынском и русском⁶⁸.

Курс румынских властей на запрет использования русского языка осложнил участие русского и русскоязычного населения в легальной политической борьбе, но освободил русских от многих иллюзий относительно возможности ужиться с румынской властью. Исключить русских из политической жизни Бухаресту не удалось. Русское национальное движение, как и молдавское, решало не только специфические, но и общие задачи бессарабского освободительного движения. Важнейшим успехом легального русского движения 1918-1940 гг., достигнутым при поддержке других национальных сообществ, стало сохранение в Бессарабии функционального пространства русского языка и его фактического статуса как языка публичного. Румынизация русского и русскоязычного населения была в основном предотвращена.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: *Широкоград А.Б.* Утерянные земли России. Отколовшиеся республики. М.: Вече, 2007; *Мельтюхов М.И.* Бессарабский вопрос между мировыми войнами 1917-1940. М.: Вече, 2010.

2. См.: *Шорников П.М.* Бессарабский фронт. Кишинев, 2010.

3. Очерки истории Коммунистической партии Молдавии. Изд. 2-е. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1968. С. 206. *Bruhîs M.* Rusia, România și Basarabia. 1812-1918-1924-1940. Chișinău: Universitas, 1992. P. 192-228.

4. *Bruhîs M.* Rusia, România și Basarabia. 1812-1918-1924-1940. Chișinău: Universitas, 1992. PP. 192-228.

5. См.: *Брысякин С.К.* Культура Бессарабии. 1918-1940. Кишинев: Штиинца, 1978.

6. См.: *Скворцова А.Ю.* Русские Бессарабии: опыт жизни в диаспоре (1918-1940). Кишинэу, 2002.

7. *Wilhelmus Petrus van Meurs.* Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. Chișinău: ARC, 1996. P. 435-448. P.435-448.

8. *Скворцова А.Ю.* Русские Бессарабии. С. 6.

9. *Ghibu O.* Trei ani pe frontul basarabean. București: Fundației culturale române, 1996. P. 51.

10. *Скворцова А.Ю.* Русские Бессарабии. С. 147, 148, 152, 160, 162.

11. *Recensămîntul general al provinciei Basarabia.* București. P. 6.

Исследователем из Нидерландов результаты переписи 1930 г. истолкованы так: в Бессарабии проживали 314 тыс. русинов, а украинцев вообще не имелось (*Wilhelmus Petrus van Meurs.* Chestiunea Basarabiei în istoriografia comunistă. P. 449).

12. Бывший генерал-майор Генерального штаба Ф.В. Костяев в документе, направленном Председателю Революционного Военного Совета 15 марта 1920 г., отнес Хотинский уезд к числу уездов с преобладающим рус-

ским населением: русских – 59,5 %, молдаван – 23,8 %. Слово «украинцы» в докладе отсутствует. (Июнь 1940-го. Бессарабия и Северная Буковина в составе СССР: материалы международной научно-практической конференции. М.: Издатель Степаненко, 2010. С. 191-193). Румынские власти также считали украинцев и русских «одного рода» и использовали термин «русско-украинское население». Представление о себе как о «русских людях» сохраняется у украинцев Молдавии и в настоящее время, в XXI веке. (См.: *Степанов В.П.* Грани идентичностей. Тирасполь, 2010. С. 44, 45 и др.).

13. *Скворцова А.Ю.* Русские Бессарабии. С. 141.

14. Там же. С. 40, 41.

15. Национальный архив Республики Молдова (*далее - НАРМ*). Ф. 679. Оп.1. Д. 5405. Л. 39.

16. Там же. ЛЛ. 43, 22, 32, 10.

17. Там же. Д. 5457. Л. 7.

18. Там же. Л. 9.

19. Сфатуль Церий. 1918. № 32.

20. НА РМ. Ф. 679. Оп.1. Д. 5198. ЛЛ. 6, 10.

21. Там же. Д. 5195. Л. 46.

22. Там же. Д. 5196. Л. 24.

23. Там же. Д. 5650. Л. 20.

24. Там же. Л. 21.

25. Там же. Л. 23.

26. Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5197. ЛЛ. 4, 16.

27. Там же. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3541. Л 7 об.

28. Там же.. Ф. 297. Оп. 7. Д. 1. Л. 610 об.

29. Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5458. Л. 21.

30. Там же.

31. Там же. Л. 23.

32. Там же. ЛЛ. 17-19, 21.

33. Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5458. Л. 38, 43.

34. Там же. Ф. 3085. Оп.2. Д. 7226. ЛЛ. 23-25.

35. Там же. Ф. 679. Оп.1. Д. 5458. Л. 21.

36. Там же. Д. 774. ЛЛ. 11, 23, 28.

37. Там же. Ф. 680. Оп.1. Д. 3457. Л. 345.

38. *Скворцова А.Ю.* Русские Бессарабии. С. 153.

39. Там же. С. 204, 205.

40. НАРМ.. Ф. 680. Оп.1. Д. 3685. Л. 11.

41. *Скворцова А.Ю.* Русские Бессарабии. С. 198, 199.

42. НАРМ. Ф. 680. Оп.1. Д. 3685. Л.11.

43. *Копанский Я.М.* Еврейское национальное движение в Бессарабии в межвоенный период (1918-1940 гг.). Кишинев, 2008. С. 268.

44. *Скворцова А.Ю.* Русские Бессарабии. С. 209.

45. Там же. С. 204.

46. НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5458. ЛЛ. 36, 37.

47. Там же. Л. 42.

48. *Скворцова А.Ю.* Русские Бессарабии. С. 209-211.
49. Там же. С. 206, 208.
50. НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3401. Л. 200.
51. Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5458. Л. 25.
52. *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия. Рождение и гибель Всероссийского национального союза. М.: РОССПЭН, 2001. С. 16, 38.
53. Д. 3428. Л. 249.
54. *Коцюбинский Д.А.* Русский национализм в начале XX столетия. С. 16, 38.
55. Там же. С. 349.
56. НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3428. Л. 249.
57. Там же. Д. 6081. Л. 6, 7.
58. Там же. Д. 5725. Л. 12.
59. Там же. Д. 6096. Л. 170.
60. Там же. Ф. 680. Оп. 2. Д. 49. Л. 127.
61. Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 6045. Л. 30.
62. История и культура гагаузов. Очерки. Кишинев-Комрат: Понтос, 2006. С. 298-307.
63. НАРМ. Ф. 680. Оп. 1. Д. 3192. Л. 519.
64. Там же. Л. 525.
65. Там же. Ф. 679. Оп. 1. Д. 5245. Л. 62.
66. Там же. Ф. 1477. Оп. 1. Д. 15, ЛЛ. 62, 110, 111, 150, 215, 332 и др.
67. *Скворцова А.* Русские Бессарабии. С. 239.
68. НАРМ. Ф. 679. Оп. 1. Д. 998. Л. 1.

Журнал консервативной мысли

«Золотой Лев»:

www.zlev.ru